

УДК 82.0

Э.Г. ШЕСТАКОВА,
доктор филологических наук

ПРОБЛЕМА ХАОСА В СОВРЕМЕННЫХ ГУМАНИТАРНЫХ НАУКАХ: ОБЩИЙ ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

В статье дается общий обзор литературы, посвященной проблеме хаоса в современных гуманитарных науках. Доказывается, что предварительным выводом может служить следующая идея: хаос изначально провокационен по своей сущности и актуализируется относительно идей граничности, неопределенности, непредсказуемости и проблемы идентификации мира и Я.

Ключевые слова: хаос, граничность, норма, бинарность, тернарность.

Хаос принадлежит к основополагающим понятиям культуры, которая пытается осознать себя. Как отмечает В. Топоров, «концепция хаоса является порождением относительно поздней эпохи, предполагающей уже определенный уровень спекулятивной мысли об истоках и причинах сущего. Наиболее архаические культуры практически не знают понятия хаоса, и, наоборот, идея хаоса особенно полно, широко и успешно разрабатывалась в древнегреческой традиции на стыке мифопоэтического и ранненаучного периодов» [1, т. 2, с. 581]. Это замечание В. Топорова принципиально важно учитывать при определении сущности и статуса хаоса, а также специфики его дальнейшего осмысления культурой, особенно новейшего времени, когда хаос превращается в одно из активных, значимых, даже, можно сказать, как не парадоксально это прозвучит, культуростабилизирующих явлений. Именно хаос, как нам представляется, выступит в роли своеобразного пути и средства возвращения к проблемам онтологии культуры, гносеологии социума, эпистемологии собственно человеческого бытия, евгеники, когда до предела актуализируется вопрос видового, общественного самоопределения и культуры, и человека в качественно новых условиях жизни.

Хаос при всей своей, казалось бы, первобытности и не-созданности, не так уж аморфен и гомогенен по своей природе, как это принято представлять. Хотя осмысляющее его сознание всегда будет, явно или имплицитно, но учитывать эту изначальную, субстанциональную неоднозначность хаоса. Культурная рефлексия, включающая философскую, художественно-поэтическую, научную и даже повседневную позиции, постоянно будет двойственной. Эту двойственность схематично можно представить как взаимодополнение центробежной и центростремительной позиций, которое, пожалуй, наиболее точно и чутко уловил Ф. Тютчев: *О, страшных песен сих не пой / Про древний хаос, про родимый!* Хаос одновременно ощущается и осознается как нечто принципиально значимое для смыслопорождения и смыслосуществования, но и угрожающее же им разрушением, небытием. Хаос является той отправной точкой, которая во многом позволяет, если и не увидеть, то ощутить исток живой, становящейся жизни, но еще принципиально не знающей запретов, ограничений и предписаний, накладываемых на нее культурой. Причем культурой, осмысляемой и принимаемой как *сотворенная человеком часть окружающей среды*

(М. Херскович) и как целостность человеческого развития, выводящего его за природные границы (И. Херман).

Идея хаоса, соотносясь с такими ведущими идеями и понятиями, как центр, норма, традиция, ритуал, а также слово, смысл, время и пространство, особо активизируется в кризисные, переходные периоды, когда происходит проблематизация смыслопорождающих интенций. Начиная с XVII в., т. е. с эпохи Нового времени, актуализировавшей и легитимировавшей в культурном европейском сознании расхождение двух логик, задаваемых Книгой Природы и Книгой Библии (Г. Галилей), хаос постепенно становится одним из ведущих культурных героев. При этом все более усугубляющаяся секуляризация сознания и взаимосвязанные с нею кардинальные изменения в структуре и образе новоевропейского мира и личности ни в коем случае не отводят хаосу исключительно мифопоэтической и/или же обиходно уничижительной роли, когда он понимается как отсутствие порядка, путаница, лишенная какой-либо последовательности.

Так сложилось, что в новоевропейской культуре хаос изначально удерживает самостоятельную позицию, которая уже к середине XX в. приобретает статус самоценной и самозначащей. И если в начале Нового времени это обусловлено реализацией хаоса преимущественно в пространстве философии, берущей свои истоки в античной традиции, то на рубеже Нового и новейшего времени хаос уверенно занимает место и в пространстве науки. Естественно, что понимание хаоса философией и точными науками не тождественны и зависят от их базисных принципов, основ, однако нельзя и не учитывать общего момента, сближающего философию начала XIX в. и физику конца XX в. Так, для романтизма важно: «...Для многосторонности необходима не только система с широким охватом, необходимо еще **чутье к хаосу**, что остался за ее пределами, как для всего человеческого необходимо **чутье ко всему, оставшемуся по ту сторону человеческого** (выделено нами. – Э.Ш.)» (Ф. Шлегель) [цит. по: 2, с. 39]. Для естественных наук XX в. бесспорно, что «в философском плане <...> это [экспериментирование со сложными системами] был действенный путь примирения свободы воли с детерминизмом. <...> Однако я чувствовал, что вопрос о стихийной самоорганизации должен относиться именно к сфере физики. <...> Порядок существовал – такой порядок, в котором постепенно вклинивалась доля случайности, еще шаг – и появлялся **хаос, скрывавший в себе свой особый порядок** (выделено нами. – Э.Ш.)» (Д. Фармер) [3, с. 318–319].

Для конца XX в. хаос выступает тем семантическим пространством, в котором сходятся и сложным, порой трагическим, а порой и фарсовым образом взаимодействуют философия, естественные, гуманитарные науки и повседневность как особая сфера существования культурного сознания, и, главное, культурного бессознательного. В частности на проблему активного совмещения разнородных подходов к хаосу указывают физики А. Сокал и Ж. Брикмон в книге с симптоматическим названием: «Интеллектуальные уловки. Критика современной философии постмодерна» [4]. Примечательно, что одна из глав носит стилистически показательное и емкое название, которое одновременно апеллирует к нескольким фонам и фондам (философско-эстетическим, философско-социальным, собственно научным и дискурсивно-социальным) знаний, традициям осмысления хаоса: «Интермеццо: теория хаоса и “Наука постмодерна”» [4, с. 114–129]. Давая на протяжении всей работы самый пристальный, скрупулезный, порой и нарочито пародийный, уничижительный анализ философских текстов ведущих французских мыслителей второй половины XX в., таких как Ж. Лакан, Ю. Кристева, Л. Иригарей, Б. Лятур, Ж. Бодрийяр, Ж. Делёз, Ф. Гваттари, П. Вирилио, физики-интеллектуалы отмечают: «Наша цель вовсе не посмеяться над писателями, которые совершенно запутались, рассуждая об Эйнштейне или Геделе, а защитить общие (или те, которые должны быть общими) для точных и гуманитарных наук принципы рациональности и интеллектуальной честности» [4, с. 21]. При этом значимым в книге действительно является не желание высокомерно критического анализа ошибок, неточностей, глупостей и ляпсусов, допущенных гуманитариями в цитировании и осмыслении значительных открытий в области физики, а стремление установить культурную природу этого тотального для второй половины XX – начала XXI в. явления, прояснить основу схождения и пересечения, казалось бы, несовместимых позиций. И с этой точки зрения, хаос оказывается наиболее перспективным понятием, которое одновременно воплощает в себе древние

архетипические представления и является репрезентацией новых теорий, неожиданных открытий. Далеко неслучайно, что, подводя один из итогов в заочном споре с гуманитариями, А. Сокал и Ж. Брикмон пишут: «Хаотичные системы характеризуются их ограниченной предсказуемостью, поскольку даже заметное уточнение исходных данных не влечет за собой соответствующего времени, на которое распространяются наши предсказания. <...> Теория хаоса открывает множество возможностей и обнаруживает массу новых объектов» [4, с. 118]. При этом А. Сокал и Ж. Брикмон, несмотря на яростные критические выпады против гуманитариев, все же отмечают, что их, гуманитариев, представление о «теории хаоса как о революционной составляющей» эпохи постмодерна неверно, т. к. «ньютоновское «линейное мышление» замечательно использует *нелинейные* уравнения... (курсив наш. – Э.Ш.)» [4, с. 121]. Главным же в нелинейных системах, нелинейном мышлении (и в этом и физики, и гуманитарии сходятся), «работающих» с теорией хаоса, является понятие «чувствительность к исходным условиям» [4, с. 123], что для математики и физики означает путь к нелинейным динамическим системам, а для «широкого смысла, который придает ему в социологии, политике, истории даже теологии – <...> оно часто оказывается синонимом беспорядка». Как бы то ни было, но хаос становится объектом пристального внимания фактически представителей всех без исключения отраслей и сфер культуры. Помимо физики и философии, интерес к хаосу как ведущему понятию проявляется и в экономике, и в филологии, и в социологии, и в средствах массовой коммуникации, и в художественно-эстетической сфере, и даже в способах организации повседневности.

Вследствие тотальной «хаотизации» культуры необходимо строго и четко разграничивать сферы бытования хаоса. При этом нужно понимать, что, во-первых, семантический, эпистемологический, когнитивный объем понятия «хаос» принципиально не может быть тождественным или же совпадать для различных установок, а также сфер и отраслей знания, даже гуманитарного. Так, есть художественно-поэтическое ощущение хаоса: *И море и буря качали наш челн; / Я, сонный, был предан всей прихоти волн. / Вкруг меня, как кимвалы, звучали скалы, / Окликались ветры и пели валы. / Я в хаосе звуков лежал оглушен, / Но над хаосом звуков носился мой сон.* (Ф. Тютчев «Сон на море») [5, с. 50]. Есть определение хаоса, данное физиками, можно сказать, специалистами в области культуры, И. Пригожиным и И. Стенгерс: «...Хаос появляется при изучении макроскопических необратимых процессов. В этом контексте мы сталкиваемся с «негативными» аспектами хаоса... <...> Однако новый важный элемент состоит в том, что хаос имеет и «позитивные аспекты» [6, с. 7]. Существует экономическая теория хаоса Б. Мандельброта, выведенная, в частности, на анализе цен на хлопок, которая убедительно демонстрирует, что «каждое специфическое изменение цен было случайно и непредсказуемо. Но последовательность изменений была независима от масштаба: кривые дневных и месячных изменений цен согласуются между собой совершенным образом». И далее хаос «...на рынках – это движение цен при отсутствии определенного направления в противоположность трендовому развитию. В поведении трейдера – это выигрыши или потери. Это – сон и пробуждение, посев и сбор урожая» [7]. Все более активизируется понятие хаоса в средствах массовой коммуникации как информационного хаоса, создающего определенный образ и эффект реальности и даже реципиента, когда «любое решение, связанное с сетью, экраном, информацией и коммуникацией, является серийным, частичным, фрагментарным, нецелостным. <...> Структура всех наших жестов квантова: это лишь случайное соединение точечных решений» [8, с. 84, 85]. Это во-первых.

Во-вторых, при всей разности, а порой и взаимоисключаемости контекстов, установок, подходов в трактовках хаоса есть нечто общее, можно сказать, константное, обусловленное сущностью, что позволяет хаосу выступать в роли одного из конституирующих начал культуры и человеческого мышления. Проблема как раз и заключается в том, чтобы прояснить эту сущность хаоса. В противном случае произойдет семантическая опустошенность понятия, которая приведет, с одной стороны, к дальнейшему расхождению и непониманию друг с другом различных наук и искусства, а культура окажется профессионально локализованной, раздробленной, к тому же принципиально исключающей *диалог культур* (В. Библер), и существующей лишь для прагматически-утилитарных целей. С другой стороны, к господству одного, спекулятивно понимаемого, смысла хаоса – беспорядоч-

ность, лишённая всякого представления о каких-либо связях. Естественно, что одним из ценностных способов преодоления подобного рода семантической опустошенности является со-противопоставление различных представлений, концепций, обоснований хаоса с установкой на прояснение точек схождения, пересечения и диалога различных сфер и областей современной культуры.

Как уже отмечалось, хаос на протяжении всего XX в. занимает ведущее положение одновременно в естественных и гуманитарных науках. Создается и стремительно развивается как самостоятельная дисциплина – хаология, так появляются и отдельные концепции хаоса в философии, социологии, экономике. Наиболее четко это сформулировано следующим образом: «Наука о Хаосе предлагает нам новую парадигму (карту мышления), более адекватную действительности и соответствующую тому, чтобы по-иному увидеть окружающий мир...» [7]. Осмысление хаоса, таким образом, осуществляется во многих направлениях. Если условно разбить их на группы, то можно выделить, философию, экономику, физику и все более обособляющуюся науку о мифах. При этом важно учитывать, что какое бы ни было направление исследования, оно непременно будет носить междисциплинарный характер с обязательным выходом в общекультурную проблематику, что обусловлено сложной, синкретической природой хаоса.

Анализ научной литературы, касающейся проблемы хаоса и репрезентирующей различные сферы знания – физика (И. Пригожин, И. Стенгерс, А. Сокал, Ж. Брикмон, Дж. Глейк, Р. Дж. Коэн, Э.Н. Хиберт, Дж. Хорган, Д. Фармер, Б. Мандельброт, С. Буфалов, М. Бухтяк, Б. Пойзнер, Г. Малинецкий, А. Дмитриев), социология и экономика (Л. фон Мизес, У. Митчелл, Ф. Хайек, Д. Глейк, В. Сухомлинова, А. Поздняков, Л. Нургалева), философия (Ж. Делез, Ф. Гваттари, Ж. Бодрийяр, А.Ф. Лосев, Н. Автономова), наука о мифах (Э. Тайлор, В. Тэрнер, М. Элиаде, К. Леви-Стросс, А. Лосев, Е. Мелетинский, В. Топоров, В. Иванов, Р. Кинжалов, Б. Рифтин, В. Еремина, М. Маковский), – выявил, во-первых, основные аспекты, которые являлись актуальными для исследователей, а во-вторых, общие константные характеристики хаоса. Итак, ведущими аспектами понимания, анализа хаоса, имеющими для ученых не просто формальный, а концептуально значимый характер, выступают следующие.

Определение наиболее аутентичной хаосу сферы бытования, т. е. какая область научного, философского, религиозного знания и опыта является его истоком. Большинство исследователей указывают на физику нелинейных систем. Причем это касается без исключения всех отраслей знания: будь то экономика, математика или же теория информации и коммуникации. При этом миф/мифология, как естественно было бы предположить, не играют какой-либо ведущей роли. И здесь мы сталкиваемся с первым парадоксом осмысления хаоса культурой новейшего времени. Для современного культурного сознания хаос понимается как некая сложноорганизованная, саморазвивающаяся система, укорененная в природе, но природе, понимаемой, в свою очередь, как совокупность всех физико-механико-химико-биоло-психологических сил. Таким образом, актуализация относительно хаоса проблемы «натура / культура», которая «...является исходной и исторически, и логически в осознании культуры как специфической формы бытия» [9, с. 55], осуществляется по принципу возвращения к непонятой, не услышанной, не постигнутой, не превращаемой «в культуру» «натуре». С этой точки зрения, даже такие поздние образования культуры, как системы средств массовой информации и коммуникации, оказываются близкими к природе («натуре»), осуществляющимися в пространстве ее закономерностей, норм и, как следствие этого, преодолевающими свой вторичный, утилитарно-прагматический, виртуальный, квазиприродный характер, о котором говорят большинство исследователей (Ж. Бодрийяр, П. Бурдьё, П. Вирилио). Вторым доминирующим истоком выступает архетипическая, общекультурная природа хаоса, которая объясняется вновь-таки не столько через отсылку к мифам, сколько через апелляцию к психо-физиологически-телесной организации человека. Это обусловлено, скорее всего, актуальностью для культуры новейшего времени психологии, психоаналитики (З. Фрейд, К. Юнг, А. Адлер, А. Клейн, Л. Выготский, А. Леонтьев, И. Кон) и, преимущественно, феноменологически понимаемой телесности (Э. Гуссерль, М. Мерло-Понти, М. Фуко, Ж. Делёз).

Следующий немаловажный аспект – выяснение природы хаоса, т. е. что собой представляет хаос, в чем он укоренен, что является его порождающей и движущей силой. Здесь

наблюдается второй парадокс: при всей изначальности и первичности хаоса, что так или иначе, но отмечается практически всеми исследователями, все же наблюдаются настоящие попытки определить то, что его (хаос) создает. В роли «создателя» хаоса может выступать онтологический принцип – самоорганизации всего живого, его стремления к упорядоченности, но с обязательным наличием и прохождением состояния (стадии) неупорядоченности. Одна из ведущих разновидностей этого принципа – принцип бинарности, который организует, структурирует, поддерживает нормативно-иерархическую природу жизнедеятельности. А основополагающей манифестацией этого принципа выступает оппозиция хаос – порядок. Причем порядок осмысливается в диапазоне от нейтрального, соотносимого с ценностно не контаминированной точкой отсчета, до явно воплощенного, канонически позитивного начала. Кроме того, в этой же роли «создателя» хаоса может выступать активность познающего, оценивающего, осмысляющего субъекта, явная и демонстративная антропологическая обусловленность хаоса, т. е. вновь наблюдается имплицитная отсылка к физике, а именно общей теории относительности А. Эйнштейна, теории дополнительности Н. Бора, теореме Г. Геделя и принципу неопределенности Г. Гейзенберга. В частности Л. Нургалеева, анализируя динамику проблемы информационного хаоса, отмечает, что она относится к разряду эмоциональной экзистенции, обусловленной внутренней организацией, структурированностью, а также аксиологической, эпистемологической позицией Я [10]. Таким образом, понимание хаоса попадает в рациоцентричную ловушку, актуализируемую относительно бинарных нормативных систем. Он оказывается не генетически, субстанциально, эпистемологически, а аксиологически и когнитивно взаимосвязан с рационально определяемым порядком и субъектом. Введение и закрепление хаоса в паре хаос – порядок и/или же ограничение эмоциональной экзистенцией приводит, естественно, к автономизации хаоса, но, и как неизбежное следствие, к его привязанности к господствующим ценностно-нормативным системам. Однако в таком случае невозможно говорить о новой парадигме, идущей от хаоса, на чем упорно настаивает большинство исследователей.

Основные характеристики хаоса, проявляющие его сущность, также занимают одно из ведущих положений при исследовании хаоса. Говоря об основных характеристиках хаоса, необходимо помнить и обязательно учитывать поправку на сферу его бытования, разницу понимания, казалось бы, однозначных, семантически прозрачных понятий. Итак, можно выделить следующие, если и не константные, то общезначимые моменты в характеристике хаоса. Это – сложная самоорганизующаяся система с собственным поведением и режимом, направленная на децентрацию и постоянное становление. Интересно, что уже античная мысль одну из важнейших констант хаоса определит как принцип непрерывного становления (А. Лосев [1; 11; 12]). Хаос всегда привносит асимметрию, рассинхронизацию, нестабильность, катастрофичность, непредсказуемость, проблему выбора (в самом широком ее понимании), желание и стремление породить новый порядок и ценностно-нормативные системы. В основе хаоса изначально имплицитно существует концептуальная идея, затем реализующаяся в новом семантическом пространстве или, говоря языком Ж. Делёза, измерении. Однако эта идея и особенно процесс ее реализации представляют собой сложно организованный, полисемантический «клубок» смыслов или, как точно было определено в «хаотической» культуре, – ризому. Хаос поливероятностен и полилогичен по своей сущности. Вследствие чего хаос всегда одновременно развивает все возможные смыслы.

Это развитие предполагает не столько борьбу, антагонизм смыслов, логик, тенденций, сколько их со-существование, со-развитие и со-осуществление. Можно сказать, что эти процессы идут по логике случайности. При этом хаос всегда чувствителен к начальным граничным условиям, но не зависит от них. В связи с этим даже ничтожно малые причины могут иметь глобальные последствия, причем не просчитываемые заранее. Развитие хаоса, как правило, осуществляется по типу ризомы. Именно она выступает для новейшего времени наиболее адекватным, естественным репрезентантом такого одновременно древнего и постоянно актуального феномена, как хаос. При этом «уязвимым» местом, позволяющим поймать хаос «на месте преступления», т. е. увидеть, ощутить не столько его след или же полную стихию всего неставшего, непредсказуемого, а момент перехода к но-

вой системе, выступают явления, определяемые через понятия *самоорганизованная критичность, кромка хаоса*, находящиеся сейчас в активной научной разработке (Г. Малинецкий, А. Дмитриев). Как отмечает Г. Малинецкий в статье «Хаос. Тупики, парадоксы, надежды», кромка хаоса – это со-противопоставление динамики, присущей собственно хаосу, и привносимой извне случайности [13]. Но особенно важно то, что хаос принципиально не тождественен беспорядку: «Хаос в теории хаоса и есть порядок – и даже не просто порядок, а сущность порядка» (Иван Тугой [14]); хаос может выступать и разрушающим, и создающим началом.

Не менее, чем предыдущие моменты, занимают исследователей и соотносимые с хаосом понятия, а также задаваемые этим проблемы и тенденции развития, как хаоса, так и ставших понятий. К таким понятиям, прежде всего, относятся понятия, репрезентирующие норму в самом широком ее понимании, что относится к парадоксальным явлениям. Это традиция, логика, становление, развитие, порядок. Фактически хаос никак не может преодолеть рационализма, ловушки нормативно сознания, задающего логику бинарности. Однако понятия нормы, порядка, закономерностей уже не носят самодовлеющего этического, аксиологического характера. Их пытаются осмыслить онтологически, с точки зрения всеобщей формы бытия, только внешне различно преломляющейся в различных сферах и отраслях, как знания, так и повседневности. Второй блок соотносимых понятий составляют понятия, репрезентирующие нестабильность, нарушения/разрушения границ. Это болезнь, ошибка, искажение, случайность, игра, произвол, множественность, вариативность, нерегулярность, непредсказуемость, кризис. Эти два блока соотносимых с хаосом понятий образуют оппозицию, основанную на логике противопоставления, когда все понятия в человеческом сознании заложены парами и имплицитно подразумевают друг друга. Эту особенность человеческого сознания в ряде работ отмечал французский лингвист Э. Сепир. И только в редких работах, посвященных хаосу, намечается логика не бинарности, а триарности (триадности, тернарности): Ж. Делёз, Ф. Гваттари, Ж. Бодрийяр, Ю. Лотман. Именно тернарность является наиболее аутентичной хаосу субстанциальной основой, позволяющей ему преодолеть свою зависимость от разума и взаимосвязанных с ним аксиологических, когнитивных, эпистемологических представлений.

Антитетичные хаосу понятия также довольно-таки часто привлекают внимание исследователей. И здесь вновь наблюдается своеобразный парадокс, обусловленный как синкретичным характером хаоса, так и действенной рациональной ловушкой нормативного сознания. Так, первый блок антитетичных понятий представляют такие понятия, как жизнь, традиция, порядок, опыт, закономерность, мера упорядоченности, т. е. те, что являются значимыми и не отменяемыми и в пространстве (парадигме) хаоса. Общей основой, дающей возможность подобного, не эклектичного, а закономерно необходимого употребления данных понятий, является память, реализуемая через сложное отношение запоминание / забывание / забвение / припоминание. Второй блок представляют понятия, принципиально явно и непосредственно не корректирующие с хаосом. Это понятия, активизированные и вызванные к «публичной жизни» целым рядом культурных переворотов и слов, которые, кстати, и хаос превратили во вновь крайне актуальное явление. К этим понятиям, прежде всего, относятся следующие: цивилизация, центр, идентификация, тождественность (самотождественность), последовательность, целесообразность, общезначимый, общепринятый, здравый смыслы. Можно сказать, что через антитетичное соотношение с ними хаос вновь возвращается в пространство культуры, т. е. то семантическое пространство, которое, собственно, его и породило, как в античности, так, практически, во всех древних культурах.

Общим выводом могут служить следующие положения. Хаос изначально провокационен по своей сущности и актуализируется относительно идей граничности, неопределенности, непредсказуемости и проблемы идентификации мира и Я. При всей своей безобразности и неопределенности, хаос не является чем-то принципиально неопределяемым, закрытым и изначально недоступным, завершенным для развития и понимания.

Список использованной литературы

1. Мифы народов мира. Энциклопедия: в 2 т. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1998.

2. Берковский Н.Я. Романтизм в Германии / Н.Я. Берковский. – Л.: Худ. лит., 1973. – 450 с.
3. Джеймс Г. Хаос: создание новой науки / Г. Джеймс; пер. с англ. М. Нахмансона, Е. Барашковой. – СПб.: Амфора, 2001. – 398 с.
4. Сокал А. Интеллектуальные уловки. Критика современной философии постмодерна / А. Сокал, Ж. Брикмон; пер. с англ. А. Костиковой и Д. Кралечкина. – М.: Дом интеллектуальной книги, 2002. – 248 с.
5. Стихотворения. Письма. Воспоминания современников / Ф.И. Тютчев. – М.: Правда, 1988. – 480 с.
6. Пригожин И. Время, хаос, квант. К решению парадокса времени / И. Пригожин, И. Стенгерс; пер. с англ. Ю.А. Данилова. – М.: Эдиториал УРСС, 2000. – 240 с.
7. Торговый хаос [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.nsu.ru
8. Бодрийяр Ж. Прозрачность Зла / Ж. Бодрийяр; пер. с фр. Л. Любарской и Е. Марковской. – М.: Добросвет, 2000. – 258 с.
9. Каган М.С. Философия культуры / М.С. Каган. – СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1996. – 416 с.
10. Нургалева Л.В. Информационный хаос сегодня и вчера [Электронный ресурс] / Л.В. Нургалева. – Режим доступа: [//www.ghcube.com/chaos.html](http://www.ghcube.com/chaos.html)
11. Лосев А.Ф. Очерки античного символизма и мифологии / А.Ф. Лосев; сост. А.А. Тахо-Годи. – М.: Мысль, 1993. – 959 с.
12. Лосев А.Ф. Словарь античной философии. Избранные статьи / А.Ф. Лосев. – М.: Мир Идей, 1995. – 232 с.
13. Малинецкий Г. Хаос. Тупики, парадоксы, надежды / Г. Малинецкий // Компьютерра. Тема номера – Хаос «На кромке хаОса и хаОса». – 1998. – № 47. – С. 25–26.
14. Тугой Иван. Теория хаоса. Введение в теорию хаоса [Электронный ресурс] / Иван Тугой. – Режим доступа: [//www.ghcube.com/fractals/chaos.html](http://www.ghcube.com/fractals/chaos.html)

У статті наводиться загальний огляд літератури, яка присвячена проблемі хаосу в сучасних гуманітарних науках. Доводиться, що попереднім висновком може бути така ідея: хаос споконвічно є провокаційним за своєю сутністю та актуалізується стосовно ідей межі, невизначеності, непередбачуваності та проблеми ідентифікації світу і Я.

Ключові слова: хаос, межа, норма, бінарність, тернарність.

In article the general review of the literature devoted to a problem of chaos in the modern humanities is given. It is proved that as a preliminary conclusion the following idea can serve. The chaos initially provocation on the essence also is staticized concerning ideas boundaryty, uncertainty, unpredictability and a problem of identification of the world and I.

Key words: chaos, boundaryty, norm, binarity, ternarity.

Надійшло до редакції 8.06.2012.